

Книга канадского лингвиста Дэвида Бека¹ “Типология систем частей речи: маркированность прилагательных”, вышедшая в серии “Выдающиеся диссертации по лингвистике” издательства Раутледж, посвящена вопросам теории частей речи в целом, а также специфике прилагательных как самостоятельной части речи. Работа построена преимущественно на материале индейских языков Америки (салишских, юто-ацтекских, тотонакских, кечуа), но для сравнения привлекается материал двух индоевропейских языков (английского и русского), некоторых языков Африки (хауса, бемба), полинезийских языков (тонга) и ряда других.

Книга состоит из введения, трех основных глав и заключения. В первой главе (“Введение”) дается краткий обзор содержания трех последующих исследовательских глав. Во второй главе (“Определения лексических классов”) анализируются существующий теоретический аппарат, используемый для выде-

ления и классификации частей речи. В третьей главе, в соответствии с ее названием (“Семантика, синтаксис и лексика”), показано, как на основе семантических и синтаксических признаков можно делить лексические единицы языка на части речи. Четвертая глава (“Типы организации лексического инвентаря”) – самая большая в книге. В ней анализируются примеры из языков, в которых по-разному представлены взаимоотношения между тремя основными знаменательными частями речи – существительным, глаголом и прилагательным (всего возможны четыре типа такого взаимоотношения). В пятой, заключительной, главе подводятся итоги проделанного исследования.

Основной теоретический инструментарий, используемый автором, выглядит следующим образом: теория функциональной маркированности лексических единиц У. Крофта [Croft 1991], понятия декатегоризации [Norper, Thompson 1984] и рекатегоризации [Bhat 1994], а также принцип использования лексических единиц в несобственной функции без дополнительных средств (without further measures) [Hengeveld 1992a; 1992b].

Теория маркированности Крофта предполагает, что для каждого из трех основных семантических типов лексем – объектов, действий и свойств – существует одна немаркированная и две маркированные синтаксические функции. Немаркированные функции могут быть представлены в таблице следующим образом:

¹ Д. Бек – сотрудник кафедры лингвистики университета г. Альберта, специалист по индейским языкам Америки, в круг интересов которого входят также типология, когнитивная лингвистика, общие проблемы семантики и синтаксиса [Beck 2000; 2001]. В настоящее время Д. Бек работает над созданием словаря, грамматического описания и корпуса текстов одного из малоизученных тотонакских языков Мексики.

	существительное	прилагательное	глагол
Семантический тип	объект	свойство	действие
Прагматическая роль	референция	модификация	предикация

В остальных несвойственных им функциях объекты, действия и свойства должны быть маркированы как минимум не меньше, чем в собственных.

Декатегоризацией принято, вслед за Хоппером и Томпсон, называть явление утраты лексемой в нетипичной для нее синтаксической функции присущих ей грамматических свойств. Так например, краткие формы русских прилагательных, выполняя функцию предикации, нетипичную для прилагательных, лишаются возможности выражать согласовательную категорию падежа, свойственную прилагательным в функции атрибута. Термин “рекатегоризация”, впервые введенный Бхатом, обозначает обратный процесс: приобретение лексемой в несвойственной ей синтаксической функции грамматических свойств, характерных для другого типа лексем, для которого данная функция является базовой. Примером рекатегоризации является появление согласовательных показателей числа и рода у существительных и прилагательных в предикативной позиции в некоторых тюркских языках.

Принцип Хенгевельда использования лексем в несобственной функции без дополнительных средств (здесь и далее сокращенно БДС, ср. аббревиатуру WFM – without further measures – у Бека) описывает случаи, когда лексема может употребляться в нетипичной синтаксической функции, не приобретая при этом специального грамматического оформления. Под это определение подходит субстантивация в русском языке, так как использование прилагательных в функции имен существительных не требует в русском дополнительного маркирования.

Семантический аппарат, используемый автором, также традиционен, – он базируется на теории прототипов. Первый шаг в установлении инвентаря прототипов – идентификация основных концептуальных областей, выражаемых каждым из лексических классов. В трактовке понятий “прототипичность” и “периферийность” семантики лексических классов Бек отталкивается от известных положений, которые в свое время разработали Лэнгакер, Тейлор и Рош [Langacker 1987; 1991;

Taylor 1989; Rosch 1975; 1978]. Теория прототипов базируется во многом на интуиции носителей языка и универсальности частей речи в лексике различных языков. Так, к прототипическим именам Бек вслед за Гивоном [Givón 1979; 1995] и Крофтом [Croft 1991] относит названия людей, вещей и мест к явлениям, наиболее дискретным в пространстве и устойчивым во времени. Важной семантической характеристикой существительного является также то, что оно обозначает скорее категорию или семантический тип, чем произвольный набор свойств или признаков (см. также [Wierzbicka 1988: 471]).

Существительные, как известно, соответствуют семантическим термам, которые выступают аргументами при семантических предикатах, которым на уровне синтаксиса соответствуют глаголы. Одной из наиболее важных семантических характеристик глаголов является их неустойчивость во времени, то есть глаголы семантически характеризуются как нестабильные во временном отношении сущности или положения вещей, претерпевающие наблюдаемое или воспринимаемое развитие или изменение [Givón 1979; 1984].

Теоретическое “ноу-хау”, предложенное самим Беком, сводится к тому, что формирование систем частей речи происходит, по его мнению, под действием двух факторов: семантического и синтаксического.

Семантический фактор: язык противопоставляет предикаты и имена, если в словаре различаются единицы, выражающие семантические предикаты, и единицы, выражающие семантические имена.

Синтаксический фактор: язык считается основанным на противопоставлении вершина – зависимое, если в словаре различаются лексем, которые могут быть БДС синтаксической вершиной, и те, которые могут быть БДС синтаксически зависимым.

Далее утверждается, что языки с трехчленной оппозицией лексических классов (существительное – глагол – прилагательное) типа индоевропейских используют как семантический, так и синтаксический параметры. В языках, где противопоставление базовых классов иное, членение лексики происходит иначе.

Таким образом, мы получаем четыре типа языков: языки с тремя частями речи², два типа языков с оппозицией имени и глагола, из которых один объединяет прилагательные с существительными, а другой – с глаголами, и языки “без частей речи” (последний тип автором не рассматривается, ср. [Broschart 1997]):

NAV – английский, русский

N[AV] – кора, салишские

[NA]V – кечуа, тотонакские, хауса

[NAV] – тонга, мундари, тускарора.

Такое распределение соответствует различным стратегиям реализации семантического и синтаксического факторов:

NAV : + семантический фактор, + синтаксический фактор

N[AV] : + семантический фактор, – синтаксический фактор

[NA]V : – семантический фактор, + синтаксический фактор

[NAV] : – семантический фактор, – синтаксический фактор.

Лексика тех языков, где “не работает” семантический фактор, не чувствительна к противопоставлению семантических предикатов и аргументов, и в таких языках прилагательные являются подмножеством глагольного класса. В тех языках, где нет закрепленного в лексике противопоставления синтаксических вершин и зависимых, класс имен включает в себя подкласс прилагательных.

Особого внимания заслуживает предложенный автором анализ салишских языков. Традиционно данные языки считаются примером отсутствия лексического разграничения между именным и глагольным классами. Имена в этих языках могут БДС выступать в синтаксической роли предиката, принимая видовые показатели или получая, подобно глаголам, лично-числовое согласование. Но, как утверждает Бек, такой анализ нельзя считать удовлетворительным. Так, бессвязочное (т.е. БДС) предикативное употребление имен зафиксировано, например, в бурятском и арабском, где о слиянии глагольного и именного классов говорить не приходится. Также нередки случаи выражения лица и числа у именных словоформ в предикативной позиции (монгольские, некоторые тюркские языки).

Автором рассматривается также другая гипотеза, предложенная в работе [Kinkade 1983]. Согласно ей, имена в салишских язы-

ках как раз являются семантическими предикатами, т.е., например, лексема *койот* соответствует значению ‘быть койотом’. Данное свойство релевантно для имен и в предикативной, и в аргументной позиции (в последнем случае именные группы, возглавляемые данными существительными, соответствуют предикаточным предложениям, о чем косвенно свидетельствует перевод некоторых носителей). Гипотеза о том, что все существительные глубоко являются предикатами, существует в современной лингвистике достаточно давно. Наиболее значимой работой здесь можно считать [Bach 1969], и ее подтверждение на материале конкретных языков заслуживало бы особого внимания, однако автор в данном случае избегает серьезной дискуссии, ограничиваясь теми аргументами, что употребление существительных при цитировании, их актантное употребление, а также дистрибуция аффикса посессивности (он не присоединяется к глаголам без номинализатора) свидетельствуют в пользу их непредикативной природы.

Другим важным критерием разграничения глаголов и имен является, соответственно, (не)способность глаголов БДС выступать в роли актантов. Салишские языки как раз предоставляют пример того, как глагольные словоформы могут выступать в актантной позиции, но Бек утверждает, что в этом случае они подвергаются семантической трансформации, меняя “событийный” семантический тип на “актантный”. Здесь, как и в предыдущем случае, не вполне корректным кажется сведение всех морфологических и синтаксических явлений к глубинным семантическим процессам. В отсутствие четких критериев того, что считать глубинными именами, а что – глаголами, данный анализ может быть применен к любому материалу, что обесценивает само (семантическое) разграничение имя – глагол. Если не принимать в расчет далеко не очевидную семантическую интерпретацию, то морфосинтаксические свойства глагольных и именных лексем все равно позволяют провести лексическую границу между классом глаголов и имен. Так, глаголы, при исполнении ими (когнитивно маркированной) функции введения участника дискурса, используют так называемую конструкцию D + VP (D – дейктический элемент в терминологии Бека, относительное местоимение в традиционной терминологии).

Салишские глаголы, однако, могут БДС использоваться в функции модификатора, так же, как и салишские прилагательные способны БДС осуществлять предикативную функцию. И в позиции атрибута, и в позиции предиката оба типа лексем способны присоеди-

² Как это обычно принято в работах по данной проблематике, из рассмотрения исключаются все служебные части речи и класс наречий.

нять видовые показатели, а также показатели повышения переходности и т.д. Все это свидетельствует о том, что “европейские” прилагательные формируют в салишских языках единый класс с глаголами. Интересно, что в языке белла-кула можно говорить о существующем внутри глагольного класса противопоставлении одностепенных предикатов, включающих адъективные лексемы и непреходные глаголы, и переходных глаголов. Два данных глагольных подкласса различаются показателями полиперсонального согласования как в предикативной, так и в атрибутивной позициях. Таким образом, действительно можно утверждать, что лексический класс прилагательных достаточно “глубоко” инкорпорирован в состав класса глаголов.

Несколько иначе ведет себя кора, один из языков юто-ацтекской семьи. Он также относится к языкам N[AV], но, в отличие от салишских языков, употребление в роли модификатора для лексем категории AV в кора маркировано. Салишские языки, таким образом, демонстрируют так называемую *гибкую* (flexible), а кора – *жесткую* (rigid) стратегии рекатегоризации класса предикативных лексем.

Что касается случаев объединения адъективного и именного классов (языки [NA]V), то для их идентификации автор предлагает использовать не только критерий общей парадигмы склонения, как это делает Бхат для греческого и санскрита, но и, вслед за Ветцером [Wetzer 1996], использовать критерий единообразного / различного маркирования прилагательных и существительных в функции предиката.

Примером [NA]V-языка можно считать кечуа. Как существительные, так и прилагательные в кечуа могут БДС занимать актантную позицию или позицию модификатора. В случае предикативного употребления и те, и другие лексические единицы требуют наличия глагола-связки. При более детальном рассмотрении оказывается, однако, что в актантовой функции прилагательные выступают скорее в составе именной группы с элиминированной вершиной, что, безусловно, нельзя считать БДС актантным употреблением.

В результате предпринятого автором анализа существование “чистых случаев” языков [NA]V ставится им под сомнение. Нетипичным (и, по утверждению автора, единственным примером) такого языка является хауса (чадская группа афразийской семьи). И существительные, и прилагательные в нем могут БДС быть актантами некоторой предикации, позиция модификатора для них маркирована одним и тем же показателем, в функции предиката они выступают только вместе со связ-

кой. Однако и здесь есть определенные проблемы: так, еще в работе [Dixon 1982] было замечено, что в хауса есть около десяти прилагательных, которые могут немаркированно употребляться в роли модификатора, и обладают также некоторыми другими свойствами “настоящих” прилагательных. Хауса, таким образом, также не может быть признан с точки зрения автора хорошим примером языка [NA]V.

Языков указанного типа, таким образом, просто не существует, и фактически автор приходит к выводу о неполной состоятельности предложенного им подхода к частям речи. Ради “спасения” теории о семантическом и синтаксическом факторах, формирующих структуру лексики, предлагается гипотеза о поэтапном применении данных факторов.

На первом этапе происходит разделение лексем, которые должны классифицироваться как семантические предикаты (т.е. глаголов), и лексем, которые должны классифицироваться как имена, – на этом этапе мы получаем языки N[AV]. На втором этапе лексика членится еще раз, в результате чего отделяются семантические предикаты, которые являются модификаторами (т. е. прилагательные) от тех предикатов, которые не являются прилагательными (глаголы), и таким образом и возникают языки с трехчленной оппозицией. Вариант [NA]V при этом оказывается исключен автоматически.

Подобная модель дает правильный результат, но принципы ее функционирования вызывают некоторые вопросы. Так, труднообъяснимым кажется принцип этапности: непонятно, каким образом возможность применения синтаксического фактора зависит от того, был ли на предыдущем этапе применен семантический. Непонятно также, почему действие синтаксического фактора сказывается только на противопоставлении существительных и прилагательных и никак не затрагивает глаголы.

Недостатка теоретических работ, посвященных проблеме частей речи, лингвистика не испытывает уже давно. Чего действительно не хватало лингвистической теории, так это работ, описывающих применение теоретических концепций к конкретным языкам. Попыткой подобной работы как раз и является книга Бека.

К сожалению, эту попытку нельзя назвать безусловно удачной: исследованию частей речи в конкретных языках посвящена лишь одна из пяти глав книги, и всего лишь часть данной главы описывает части речи салишских языков, являющихся лингвистической специализацией Бека.

Можно сказать, что данная работа написана вполне в духе принятого в теории частей речи подхода. С одной стороны, она использует существующие в данной области лингвистики теоретические наработки, с другой же – наследует все ее недостатки, связанные как с определенным несовершенством методики исследования, так и с “традиционностью” объекта, который для большинства лингвистов, исследующих проблематику частей речи, оказывается ограничен тремя основными лексическими классами (имя, глагол, прилагательное).

У предшественников Бек заимствует и, пожалуй, главный недостаток своей работы: чрезмерное увлечение теоретической составляющей частеречной проблематики – недостаток, благодаря которому данная область лингвистики часто (и не без оснований) считается излишне далекой от языковой реальности.

В то же время, в современной лингвистике явно не хватает работ, где предпринималась бы попытка построения подробной “грамматической карты” свойств различных лексических единиц некоторого языка. Исследование, в котором лексика подразделялась бы на относительно небольшие группы в соответствии с набором релевантных только для них грамматических свойств, представляло бы и теоретический, и прикладной интерес не только для экзотических языков, но и для столь хорошо изученных языков европейских. Примером таких свойств может быть способность русских имен собственных и терминов родства образовывать притяжательные прилагательные (типа *Колин, папин*); неспособность английских стативных глаголов употребляться в форме прогрессива; неспособность французских цветковых прилагательных быть в препозиции к имени и т.п.

Также остро не хватает, на наш взгляд, работ, посвященных “малым” лексическим классам: наречиям, предлогам и послелогам, союзам, счетным словам и др. Так например, интересной представляется проблематика, связанная с частеречной реализацией лексем со значением частей тела или частей целого (‘бок’, ‘перед’, ‘верх’ и т.п.), так как такие лексемы потенциально могут принадлежать по меньшей мере четырем различным классам (существительным, предлогам, наречиям, прилагательным), ср.: *верх – вверх – вверху – верхний* vs. англ. *up₁ (We all have our ups and downs) – up₂ (up the river) – up₃ (He was up in the mountains) – up₄ (the up train)*.

Досадно, что вместо попыток создания новых описаний языков с помощью разработанного инструмента лингвисты продолжают идти по проторенной несколько десятилетий

назад и с тех пор неоднократно пройденной дороге.

В книге имеет место также ряд досадных неточностей, к которым можно отнести неверное цитирование русских примеров: *Kotindom* (с. 90) или *Maša budet vrač* (с. 109), не влияющих, впрочем, на содержательную сторону работы.

Несмотря на указанные замечания, книга Д. Бека, несомненно, представляет значительный интерес как для специалистов в области грамматической теории, так и для лингвистов, занимающихся языками североамериканских индейцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bach 1969 – E. Bach. Nouns and noun phrases // E. Bach, R.T. Harms (eds.). *Universals in linguistic theory*, 91–124. New York, 1969.
- Beck 2000 – D. Beck. The syntax, semantics, and typology of adjectives in Upper Necaxa Totonac // *Linguistic typology* 4. 2000.
- Beck 2001 – D. Beck. Heterogeneous person-hierarchies in Upper Necaxa Totonac // *Proceedings of the 6-th workshop on structure and constituency in the languages of the America*. Vancouver, 2001.
- Bhat 1994 – D. N. S. Bhat. The adjectival category. Amsterdam, 1994.
- Broschart 1997 – J. Broschart. Why Tongan does it differently: Categorical distinctions in a language without nouns and verbs // *Linguistic typology* 1, 1997.
- Croft 1991 – W. Croft. Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information. Chicago, 1991.
- Dixon 1982 – R.M.W. Dixon. Where have all the adjectives gone? Berlin, 1982.
- Givón 1979 – T. Givón. On understanding grammar. New York, 1979.
- Givón 1984 – T. Givón. Syntax: A functional-typological introduction. V. I. Amsterdam, 1984.
- Givón 1995 – T. Givón. Functionalism and grammar. Amsterdam, 1995.
- Hengeveld 1992a – K. Hengeveld. Parts of speech // M. Fortescue, P. Harder, L. Kristofferson (eds.). *Layered structure and reference in a functional perspective*. Amsterdam, 1992.
- Hengeveld 1992b – K. Hengeveld. Non-verbal predication: Theory, typology, diachrony. Berlin, 1992.
- Hopper, Thompson 1984 – P.J. Hopper, S. Thompson. The discourse basis for lexical categories in universal grammar // *Language*. V. 60. 1984. № 4.
- Kinkade 1983 – M.D. Kinkade. Salishan evidence against the universality of “noun” and “verb” // *Lingua*. V. 60. 1983.

- Langacker 1987 – *R.W. Langacker*. Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.
- Langacker 1991 – *R.W. Langacker*. Foundations of cognitive grammar. V. 2: Descriptive application. Stanford, 1991.
- Rosch 1975 – *E. Rosch*. Cognitive representations of semantic categories // *Journal of experimental psychology (General)*. V. 104. 1975.
- Rosch 1978 – *E. Rosch*. Principles of categorization // *E. Rosch, B. Lloyd*. Cognition and categorization. Hillsdale, 1978.
- Taylor 1989 – *J.R. Taylor*. Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. Oxford, 1989.
- Wetzer 1996 – *H. Wetzer*. The typology of adjectival predication. Berlin, 1996.
- Wierzbicka 1988 – *A. Wierzbicka*. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

*П.В. Гращенков,
О.В. Лукин*